

ДНЕВНИК
АЛЛЫ
КИСЕЛЁВОЙ

Об авторе дневника ничего не известно.

Было это 2 месяца тому назад, поехали мы с мамочкой и с Мишенькой в бомбоубежище, еле втиснулись в трамвай. Когда вошли туда, мне показалось, что там как в больнице, долго оставаться я там не думала и даже из дома взяла книжку, чтобы не было скучно. Но пришлось там пробыть 2,5 месяца.

Жизнь была довольно скучная и голодная. Первое время почти всю пищу я отдавала Мише, но потом не могла отдавать её. (...)

Я совсем забыла описать где находилось бомбоубежище. Нева, здание Эрмитажа. (...) Находились мы в маленьком уголке. Раньше я никогда не могла бы подумать, что мы могли 4 человека жить в таком маленьком уголке. Целый день мы с Мишенькой были вдвоем. Свет там был электрический, дневного света совсем не было, окна были заколочены и засыпаны песком. Мишенька болел воспалением легких. Так что на улицу с ним выходить не могла и мы сидели совсем без дневного света, а болел Миша 2 недели. У нас в бомбоубежище началась эпидемия кори и скарлатины, детям до трех лет делали прививку против кори. Мише сделали то же самое, прививка была не очень болезненная для него. Почти все время у Миши был понос, видимо от студня. Студень был из свиных шкур и там попадались жесткие шкурки, которые он не мог пережевать. (...) Так как у Мишеньки был сильный понос, хлеба ему было давать нельзя, так как хлеб был плохого качества, и хлеба давали 125 грамм, печенья вместо хлеба давали 75 гр. Это 3 печенья, и Мишенька у нас очень сильно голодал, у него выработалась привычка кричать «кушать дай» или «мама дай». Я, когда у Миши не было поноса, попробовала накормить его, дала скушать его порцию и свою порцию на целый день, скормила ему за один раз, но он очень быстро скушал и говорил «еще кушать». После этого я не старалась досыта накормить его. Последнее время я сама начала очень голодать, но потом постепенно я привыкла к голоду. (...)

10-го декабря в 3 часа дня мамочка приехала в бомбоубежище, в нем было холодно, мы ходили в пальто, и сказав, чтобы мы быстро одевались, начала собираться. Мишу мы очень тепло закутали, завернули в плед и одеяло, привязали стул маленький к саночкам, на стул посадили закутанного Мишу, а на санки положили сетки с необходимыми для Миши вещами: штанишками, чулочками, рубашками, костюмчиками. Трамвай не шли, мы шли пешком, а Мишу везли на санках, совсем у дома на нас чуть не наехал автомобиль. (...)

Конечно, когда мы пришли домой, нам все очень обрадовались, но дома было тоже холодно. (...)

18 декабря мое день рождение, его мы справили очень хорошо, открыли банку шпрот, хлеба я съела грамм 300!!! Мы с мамочкой пошли на рынок и обменяли 200 грамм хлеба на 400 грамм дуранды, мамочка добавила ложки три маисовой муки, ложки три сахарного песку и овсянки, получились очень хорошие сладкие лепешки.

19 декабря мама достала на детские карточки белых пряничков, это очень большая редкость, на 2 хлебные карточки 8 пряников и один пряник разделила на три части и дала всем попробовать, так же и мне. Этот вечер мне очень захотелось кушать, так как я долго засиделась, я взяла из шкафа один пряник, но не накушалась и попросила у мамы немного хлеба с горчичным маслом, мама мне позволила, и я незаметно для себя чуть не съела порцию хлеба, на следующий день остался очень маленький кусочек хлеба. Мамочка очень была недовольна тем, что я съела почти всю порцию хлеба на следующий день. (...)

Сегодня нам очень повезло, Люба достала кота, из которого Малаша сделал очень вкусное жаркое, но как назло в то время, когда мы уже хотели кушать, погас свет, и нам пришлось кушать такое вкусное жаркое при маленьком огоньке коптилки. Но когда мы кончили кушать жаркое, тогда свет зажегся. Жалко, что в мой день рождения не было кролика (так мы условились называть кота). Но к сожалению кроликов очень мало. Раньше мы никогда не могли бы догадаться, что можно есть котов. Сейчас что ни день все больше и больше мрёт народу от голода. Мы еще пока держимся. Миша все так же кушать просит, но дома мы с Мишей, говорят, поправились.

20-е декабря, у нас нет сладкого к чаю, у мамочки в магазине появились конфеты, мамочка очень обрадовалась и взяла по всем карточкам конфеты, называются соевыми, на фантиках написано «Мурзилка», цена 10 р. 60 коп., такая же как и раньше, какая была у хороших соевых конфет. Но конфеты оказались почти несъедобными и от них очень жгло горло. (...) Конечно в другое время я бы эти конфеты есть не стала, оказывается, эти конфеты из горькой дуранды, в дуранду подбавлено сахару, и эти конфеты такой же формы, как и соевые. Мамочка купила мне картинки «Сказки о царе Салтане», я эти картинки наклеила себе в альбом, который подарил мне Кирочка на день рождения. Кира нарисовал мне в альбом рисунок на рубашку. Он выдумал сам.

«Заменим у станков отцов!» - этот призыв прозвучал уже в первые дни блокады. И тысячи ленинградских детей встали к станкам. Эти пацаны собирали пулемёты.

Фотохроника ТАСС.

В первую эвакуацию июня - августа 1941 года, пока город ещё не был в кольце, многие ленинградские дети были эвакуированы в соседние районы области. 175 000 из них были возвращены обратно - в бомбёжки и голод. Здесь - раненые малыши, которых лечили в госпиталях.

Фотохроника ТАСС.

25 декабря, сегодня счастье - прибавили хлеба рабочим 550, служащим, иждивенцам и детям 200 гр. Говорят, с 1 января прибавят хлеба еще больше. Хлеба вовсе не прибавили, мы прикопили немножко к новому году продуктов, сварили чечевичную похлебку, но я так устала к вечеру, что мне стало худо, и у нас было по 1 шпротинке и по 2 краба, пили глинтвейн. Что-то положение совсем не улучшается, а наоборот теперь стало хуже, в магазине продукты совсем не выдают, а нормы объявлены, вот уже второй месяц продукты не выдают, сидим на одном эрзаце и на 20 гр. хлеба. У Мишеньки ручки пухнут от голода. (...) Очень давно не был у меня папа, сегодня пришел весь опухший отекший, шел от Моховой до нас 1 час 30.

Мы собираемся эвакуироваться, мама уже продала свою шубу за 1500 рублей, за 2 кг сахарного песка и за 6 плиток шоколада. Мамочкин песок и шоколад продала за 2 с половиной тысячи. (...) Я очень расстроена, боюсь, что уеду и не увижу папу. (...)

Кирочка большой сегодня отправлял Митю, эвакуировал. Наш отъезд откладывается, заболела я, температура 39. Кирочка с Зочкой уехали, было 10 ч. утра. А я простудилась, стояла в очереди в столовой за супом (...), суп получила правда очень жидкий. Сегодня вечером совсем неожиданно пришла Надежда Павловна с Тосенькой и сказала, что в 11 ч. вечера сегодня едут, документы на выезд уже оформлены, очень жалко расставаться, но им будет там лучше, у них там есть родные, к которым они могут приехать.

Новость, сегодня по радио объявили норму: крупу, крупы выдали мало, но это хороший признак. Теперь каждый день выдают какие-нибудь продукты, то масло, то сахар. Но нормы маленькие. (...) Сегодня вымыли Мишеньку и вымоемся мы с мамочкой. Мы наверно не мылись месяц, очень приятно помыться. Кирочка большой устроился в социанар, но говорит что голодноватого да крошечные порции. Мамочка устроилась в социанар. Отъезд откладывается, пока мамочка с Кирочкой немножко подкрепятся. (...) Конечно никуда не поедем, здесь опять бомбежки и обстрелы. Но с продуктами наладилось, вот уже второй месяц выдают все продукты, к 1 мая выдают много продуктов даже дали чай, о сколько время не пили чая, какое наслаждение. Мишенька заболел цингой, болят ножки, не дотронуться. С 3-го мая открываются школы.